

В кино я был миллионером раз двадцать

В жизни у него старенький телевизор «Рубин» и нет видеомэгаффона

В советское время амплу литовских актеров было вполне определенным: если помните, они играли в основном немцев, иностранцев и миллионеров. Юозас Будрайтис не исключение. «За свою жизнь миллионеров я сыграл штук 20, хотя сам миллионером так и не стал», — констатирует он теперь.

В кино он пришел со второго курса юридического института. Именно тогда, 30 лет назад, Жалакявичюс пригласил робкого юношу сниматься в картине «Никто не хотел умирать», мгновенно прославившей на весь Союз тех, кто в ней участвовал. «Так что и адвокатом я не стал», — смеется Будрайтис, — а ведь адвокаты сейчас так хорошо зарабатывают...»

— Юозас, времена изменились, и теперь в Литве явно не приемлют все русское. Какое же отношение к актерам, которые играли в советских фильмах на русском языке и, стало быть, «пропагандировали советский образ жизни»? Негативное?

— Я думаю, у людей достаточно здравого смысла. Мы старались делать что-то интересное. Ну скажите, а кто тогда не был советским? Мы рассказывали о том, как живем и как жили. И не могли рассказывать о том, как хотели бы жить...

Может быть, и есть крайне настроенные люди, озлобленные из-за каких-то своих неудач. Но ведь еще вопрос: а они-то что делали в то время? Почему жили тогда? Надо было испариться!

— А какая сейчас ситуация с кино в Литве?

— Конечно, тяжелая: сей-

час в Литве снимается один-два фильма в год. У государства нет на это денег... Новая экономическая структура, конкуренция, борьба за свое место — все это идет не таким гуманным путем, каким хотелось бы. И люди, которые должны были бы нести доброту, духовность, сами в какой-то мере тонут в этих повседневных передрыгах. Их тоже захватывает волна приобретательства, желание больше зарабатывать.

— Что же, актеры подаются в торговцев «Сникерсами»?

— Я думаю, в этом нет никакой трагедии — если, дожидаясь контракта на роль, актер даже пойдет торговать «Сникерсами». В советское время мы, актеры, жили в тепличных условиях. Все имели постоянную работу в театре, нормальную зарплату, какие-то привилегии. (А если снимались, то жили еще лучше). Конкурентной борьбы мы не испытывали — даже не знали, что это такое. Сейчас, когда нет денег на всех, идет жестокая борьба.

— И вы сейчас работаете по контракту?

— Я не жалею. Я могу получить место в любом театре — просто не хочу. Мне так удобнее: могу готовиться сколько угодно, могу стимулировать какую-то постановку.

С другой стороны, хорошие актеры существуют совсем плохо. Ведь публика уже не идет на любой спектакль. Идут на конкретную постановку: либо на автора, либо — на актера.

Вот недавно у нас поставили историческую драму — в руинах нижнего замка, кото-

рый когда-то стоял у подножия горы Гедиминаса. Сделали раскопки, накрыли крышей. Пригласили звезд... Я там тоже как бы звезда. С каждым из нас составили контракт. И это, конечно, не сравнить с зарплатой в театре — год можно жить. Хотя у меня роль маленькая, но платят больше, чем иным за большую — за участие, а не за игру.

— Интересно, а вообще свой путь вы считаете успешным? Или многое осталось нереализованным?

— Я не задаюсь таким вопросом — на него очень трудно ответить. Конечно, каких-то ролей я не сыграл — материал не совпадал или вообще не предлагали такого материала, в котором я бы мог полностью выразить себя... Но с другой стороны — вот сыграл еще десять ролей, а останутся три, которые не сыграл. Это — как человеку,

даже старенькому, все равно хочется жить. Проживешь сто лет, захочется еще один. И конца этому нет.

— У вас есть и контракты за рубежом?

— Есть контракты, связи, родственники в Штатах. В прошлом году снимался в Москве, сейчас поеду сниматься в Эстонию. В Петербурге часто бываю — там меня выбрали президентом организации «В помощь талантливым инвалидам». Ну и как председателю Союза театральных деятелей Литвы приходится ездить... Рыскаю по свету часто и много, но всегда страдаю, если отсутствую больше недели. Если бы можно было, я из дома бы не отлучался.

— Какой у вас дом? На лоне природы?

— Нет, в центре города. Но он окружен садом, деревьями, так что улиц даже не видно. Этот дом наполовину мой.

— И чем вы занимаетесь, будучи домоседом?

— У меня есть всякие увлечения, которые способны дать то, чего недостает в кино или театре. Часто хочется замкнуться наедине с собой, помазывать что-нибудь красками, карандашом или углем — смотря какое расположение души. Это не хобби — это скорее продолжение существования в определенном русле.

— У вас сейчас стали возвращать земли, которые принадлежали семье до войны. Ну а вам фамильного замка, случайно, не досталось?

— Мне возвращают землю отца. Правда, она в неудобном месте, далеко от моря. Придется ее либо сдавать, ли-

бо продавать... Теперь-то кто там, на этих гектарах, будет работать?

— А чем занимаются ваши дети?

— У меня их двое. Сын уже взрослый, имеет свою семью. Ушел из театра в бизнес и очень этим увлечен. У него свои бары. Дочери 15 лет. Пока учит английский и итальянский. Собирается — французский. Куда потом пойдет учиться — еще не знаю. Может быть, поедет к дяде в Америку.

— Похоже, в новую жизнь вы вполне вписались. Наверно, и одеваетесь от какого-нибудь известного модельера?

— Меня это вообще не привлекает. Кого и зачем мне удивлять? Лучше купить хороший альбом, картину. Я книги покупаю.

— А что именно? Ту мировую классику, которую мы в свое время не имели возможности читать?

— Разные: сегодня одни мысли, завтра другие... И почему мы ничего не читали? Читали. И вообще достаточно Достоевского. Есть ли более великая литература?

Конечно, мы что-то потеряли. И теперь радостно это находить. Правда, мы уже не догоним — ведь человек от чего-то отталкивается и уходит в своем развитии все дальше и дальше.

Хотя я не верю, что человеку можно превратиться в нечто такое, чего еще не было. Мы остаемся на тех же чувствах, способностях любить, ненавидеть, страдать.

Я не верю в прогресс общества. Прогресс — всегда одновременно регресс. Мы

уже не умеем ощущать первозданности. Мы призвали себе на помощь технику и забываем о вещах, казалось бы, незначительных, но существенных в развитии человека, в способности восприятия. К сожалению, новый ренессанс мы вряд ли создадим... Конечно, это нельзя остановить. Все должно идти и развиваться в каком-то направлении, но мне это не нравится.

— Вы хотите сказать, что в суе и погоне за материальным мы уходим от простых человеческих ценностей?

— Да. Я не гонюсь за какими-то техническими новшествами. У меня стоит старенький «Рубин» и нет всех этих видеомэгафонов. Что, собственно, я от этого получу? И машина обычная — шестерка, катается хорошо... Конечно, если захотеть, можно купить какую-нибудь супер. А суть то, что все равно едет. Ну будут пальцем показывать: «О, Будрайтис на какой катается!» Ну и что? — Вас внешняя сторона жизни мало интересует?

— Абсолютно. Конечно, я люблю комфорт. Но комфорт такой: чтобы было уютно, не холодно, чтобы в 5 часов утра выпить хороший кофе. Мне это нравится. Нравится иметь свою большую красивую чашку. Я люблю раннее чтение. Наливаю себе кофе, сливки определенной густоты, и это мне доставляет огромное удовольствие. У меня два часа абсолютного покоя для чтения — когда все спят. И это самые радостные минуты...

Ирина ХМАРА.